

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

NOVELTIES OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION RELATED TO THE CORONAVIRUS PANDEMIC: PROBLEMATIC ISSUES OF INTERSECTORAL COMPETITION

V. Safonov
L. Dondukova

Summary. The article analyzes the novelties of criminal and administrative legislation related to the pandemic of coronavirus infection. Having analyzed the constructive features of legislative novelties, the authors come to the conclusion that the dispositions of the norms provided for in Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation enter into an interdisciplinary conflict with the provisions of Parts 10.1, 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the negative consequence of the indistinctness of the boundary between the components of these crimes and administrative offenses, when similar actions in one case are qualified according to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, and in the other — according to the norms of the Administrative Code of the Russian Federation, which is a significant violation of the principles of legality and justice. The authors believe that the real public danger of the act is a landmark separating criminal and administrative jurisdiction.

Keywords: pandemic, coronavirus infection, dissemination of deliberately false information, publicity, criminalization.

Сафонов Владимир Николаевич

К.ю.н., доцент, Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия» (Санкт-Петербург)
svn205@gmail.com

Дондукова Лидия Александровна

Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»
(Санкт-Петербург)
lidspb18@gmail.com

Аннотация. В статье предпринят анализ новелл уголовного и административного законодательства, связанного с пандемией коронавирусной инфекции. Проанализировав конструктивные признаки законодательных новелл, авторы приходят к выводу о том, что диспозиции норм, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, вступают в междисциплинарную коллизию с положениями частей 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ. Обращается внимание на негативное последствие нечёткости границы между составами указанных преступлений и административных правонарушений, когда схожие действия в одном случае квалифицируются по нормам Уголовного кодекса РФ, а в другом — по нормам КоАП РФ, что является существенным нарушением принципов законности и справедливости.

Ориентиром, разводящим уголовно — правовую и административно — правовую юрисдикции, считают авторы, является реальная общественная опасность деяния.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция, распространение заведомо ложной информации, публичность, криминализация.

После начала коронавирусной инфекции усугубилась проблема распространения заведомо ложной информации, которая дезориентирует граждан и препятствует мерам по преодолению пандемии. Реакцией государства стало введение Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, путем добавления в УК РФ статьи 207.1 и статьи 207.2, определяющей ответственность за те же деяния, но с тяжкими последствиями.

Параллельно Федеральным законом № 99-ФЗ статья 13.15 КоАП РФ дополнилась частью 10.1, предусматривающей административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территории, приемов и способов защиты от указанных обстоятельств. В указанную статью была также добавлена часть 10.2, устанавливающая ответ-

ственность за аналогичные обстоятельства, но с тяжкими последствиями.

Насколько данные новеллы удачны, позволяет понять их сравнительный анализ. Нетрудно заметить, что диспозиции статей 207.1 и 207.2 УК РФ во многом схожи с частями 10.1 и 10.2 КоАП РФ, что создает конкуренцию указанных норм и проблемы их правоприменения. Тем более, что в частях 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ отсутствует привычная для административных норм юридико-технический приём — «если эти действия лица не содержат уголовно наказуемого деяния», разрешающий вопрос отграничения норм административного и уголовного права.

Вскоре после вступления в силу рассматриваемых законодательных новелл один из авторов настоящей публикации считал неоправданным, что «столь узкий объект правового регулирования сконцентрировал вокруг себя множество норм, относящихся к разным отраслям права» [8, с.112–120].

Обращаясь к указанной проблеме, Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) выпустил Обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) под номерами 1, 2, 3, утвержденные Президиумом ВС РФ 21.04.2021 г., 30.04.2020 г., 17.02.2021 г. соответственно.

В частности, одним из критериев разграничения ответственности конкурирующих норм ВС РФ признает субъектный состав деяния. Так, административная ответственность за действия, предусмотренные частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 207.1 или ст. 207.2 УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности [3].

Примечательно, что судебная практика по ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ отсутствует, а физические лица активно привлекаются к ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за «распространение недостоверных общественно значимых сведений под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения правопорядка и (или) общественно безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредит-

ных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если действия лица не содержат признаки преступления» [2]. При этом в Обзоре № 1 высший судебный орган страны разъясняет, что при разграничении административной ответственности физических лиц за деяния, предусмотренные ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ и уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ необходимо учитывать следующее: «действия лица образуют признаки преступления по ст. 207.1 УК РФ, если они состоят в публичном распространении заведомо ложной информации под видом достоверной об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в том числе об обстоятельствах распространения коронавирусной инфекции и (или) о принимаемых в связи с этим мерах, а также приемов и способов защиты от таких обстоятельств, с учетом условий, целей и мотивов действий лица» [3]. Заметно то, что данные разъяснения перекликаются с диспозицией ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ и могут быть применимы и к данной норме. Отличительным признаком является ложность информации для уголовного деяния или ее недостоверность, характерная для административного правонарушения. Однако толкование этих терминов приводит к выводу о сложности такого отграничения.

Еще одной проблемой в разграничении ст. 207.1, 207.2 УК РФ, с одной стороны, и ч. 10.1, ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, с другой, является понимание категория «заведомо ложная информация». Верховный Суд ответил на вопрос о том, что следует понимать в диспозициях статей 207.1 и 207.2 УК РФ под заведомо ложной информацией и ее распространением под видом достоверных сообщений. По его мнению, под заведомо ложной следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему. Причем, форма, способ, а также использование ссылок на компетентные источники, высказывания публичных лиц, поддельные документы и др. являются признаком того, что лицо выдает заведомо ложную информацию в качестве достоверной [4].

Чем отличается заведомо ложная информация от заведомо недостоверной информации, предусмотренной диспозициями частей 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, не совсем понятно, так как отсутствуют четкие отграничения такой информации. Напрашивается вывод о том, что происходит дублирование конструктивных признаков в рассматриваемых нормах уголовного и административного права, что также дает определенные сложности для правоприменителей.

Важно отметить, что Верховный Суд в Обзоре № 2 разъясняет, что в случае добросовестного заблуждения

лица, распространяющего заведомо ложную информацию под видом достоверной, ответственность не наступает [4]. Однако, на наш взгляд, не всегда возможно установить в соответствующих преступлениях, в том числе и в правонарушениях, наличие умысла, то есть доказать, что лицо точно знало о недостоверности информации, а также предвидело и желало наступление общественно опасных последствий. Если наличие умысла не будет учитываться судами, это повлечёт нарушение конституционных прав граждан на свободу мысли и слова, свободу массовой информации и приведёт правоприменителя на путь объективного вменения, что недопустимо.

В контексте рассматриваемой проблемы довольно противоречивым является решение по делу Кондратьевой Е.А., которая разместила комментарий на своей странице в социальной сети «Одноклассники» с содержанием: «У нас в Киселевске два случая коронавируса», тем самым представив недостоверную информацию под видом достоверной. Рассматривая дело, судья Киселевского городского суда не усмотрел в действиях Кондратьевой умысла на совершения правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, руководствуясь тем, что на момент размещения комментария гражданкой, достоверная информация о наличии заболевших коронавирусом в городе не была известна, следовательно, для Кондратьевой информация о количестве заболевших не являлась заведомо недостоверной. С такой позицией согласился и суд второй инстанции, отклонив жалобу участкового на постановление первой инстанции [6].

Полагаем, что выводы судов неоднозначны, так как судами неверно определены обстоятельства, имеющие значения для дела. В частности, отсутствие достоверной информации о наличии заболевших коронавирусом в г. Киселевск только подтверждает факт недостоверности написанного Кондратьевой комментария и ее умысла на распространение указанной в нем информации, в виду того, что гражданка знала и осознавала, что нет официально подтвержденной информации о заболевших, но несмотря на это, желала распространить и распространила заведомо недостоверные сведения о двух заболевших. Данным обстоятельством доказывается умысел Кондратьевой на распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверной, а, следовательно, усматриваются признаки правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ [6].

Мы можем лишь предположить, что решающим в судебных решениях стал излишне широко понимаемый принцип презумпции невиновности. Стоит отметить, что в указанном случае спорным является не только наличие или отсутствие умысла, а также оценочная

категория информации, которая проявляется в невозможности определить, была ли для Кондратьевой распространенная ею информация заведомо ложной или заведомо недостоверной, а также имело ли место добросовестное заблуждение о ложности или недостоверности сведений. Данные факторы позволяют усомниться в обоснованности и справедливости решения по указанному делу, что отсылает нас к вопросу удачности законодательных новелл. Впрочем, несложно заметить, что межотраслевая коллизия рассматриваемых норм в свою очередь является следствием их недостаточно четкой междисциплинарной границей.

Изучение судебной практики показывает, что физические лица активно привлекаются к административной ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, а не к уголовной по ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, что ставит под сомнение разъяснения ВС РФ в рамках вопроса разграничения ответственности по субъектному составу, где ВС РФ по отношению к физическому лицу, должностному лицу, руководителю юридического лица отдает предпочтение уголовной ответственности. В то время как, на практике суды к данным субъектам применяют более мягкий вид ответственности — административной.

Еще одним критерием разграничения конкурирующих норм является обязательный для уголовных деяний, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ признак публичности, который по тексту нормы выражается в том, что заведомо ложные сведения образуют преступное деяние, когда такая информация распространена публично, что отсутствует в диспозициях ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Однако, какой смысл вложен с категорию публичности из текста норм не понятно, в связи с чем ВС РФ уточнил в чем состоит публичность информации в диспозициях ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ.

Стоит отметить, что указанный признак является объектом научных дискуссий. Верховный Суд не раз давал разъяснения по вопросу о содержании признака публичности для достижения единства в его понимании. Так, признак публичности являлся предметом рассмотрения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», а также в постановлении от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам террористической направленности». Анализ позиций указанных постановлений Пленума ВС дает возможность понять, что мнение Верховного Суда по поводу «публичности» неизменно и сводится к тому, что публичность обуславливается «распространением обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.д.» [7].

Применительно к ст. 207.1 и 207.2 УК РФ ВС РФ в Обзоре № 2 разъясняет, что «распространение заведомо ложной информации следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме» [4]. Верховный суд РФ также замечает, что публичность может проявляться в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, а также в распространении путем выступления на собрании, митинге и т.п. [4].

Данная позиция была подвержена критике рядом ученых. В частности, Чернявский Д.О. полагает, что термины «публичный» и «массовый» при схожем значении все-таки не равнозначны. Он отмечает, что публичности, как уголовно-правовой категории присуще то, что адресатом выступает множество лиц, причем для них одновременно доступно восприятие отправленной им информации. Именно это ограничивает публичные сообщения от массовых, при которых отсутствует одновременное восприятие информации двумя и более лицами [11, с. 11–12].

В свою очередь, А.И. Трахов и З.М. Бешукова не поддерживают точку зрения Д.О. Чернявского, справедливо отмечая, что «при определении публичности главным является не одновременность восприятия информации двумя или более лицами, а возможность ее восприятия» [10, с. 2].

И.Е. Воронцова и В.Д. Росляков замечают: «Подобное разделение не столь важно для судебной практики, так как последствия как у публичности, так и массовости одно — это получение информации большим кругом лиц» [1, с. 849].

А.И. Трахов и З.М. Бешукова акцентируют, что Президиум Верховного суда РФ выделяет количественный и количественно-персонифицированный критерий публичности. В свою очередь, количественный предполагает, что лицо осознает численность группы и при этом можно установить число лиц, которым была распространена заведомо ложная информация [10, с. 2]. Второй критерий обозначает, что «субъект не только осознает численный состав группы, но и владеет знаниями, характеризующими эту группу и (или) ее отдельных членов», что обуславливает распространение среди персонифицированного круга лиц [10, с. 2].

Но все же данные критерии охватывают лишь понятие «группа» и не применимы к «неопределенному кругу лиц», в рамках которого субъект, распространяющий информацию, не может конкретизировать, какому количеству лиц она направлена. Это указывает на то, что толкование публичности значительно шире, но законодатель это не учитывает.

При этом, необходимо подчеркнуть, что Верховный суд РФ оставляет право судам самостоятельно определять наличие публичности с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств, что отмечено в Обзоре № 2 [4]. Однако на практике суды по-разному квалифицируют схожие действия, считая, что в каком-то из них отсутствует публичность.

Так, гражданин разместил посредством мессенджера «WhatsApp» в групповом чате, участниками которого являются 253 человека, голосовое сообщение, содержащее заведомо ложную информацию о распространении новой коронавирусной инфекции на территории г. Буйнакска Республики Дагестан посредством вертолетов. Эта информация была распространена и в других групповых чатах мессенджера, а также в иных социальных сетях, что соответствует неопределенному кругу лиц. По данному факту органами следствия было возбуждено уголовное дело по ст. 207.1 УК РФ. Уголовное дело поступило в суд с ходатайством следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Признавая данное деяние преступным, а не административным нарушением, руководствуясь уголовно-правовыми нормами, в частности ст. ст. 25.1, 446.2 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ, суд удовлетворил ходатайство следователя и прекратил уголовное дела, назначив меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [5].

По другому делу гражданин разместил в социальной сети «Instagram» видеозапись, содержащую заведомо ложную информацию о том, что новая коронавирусная инфекция является запланированной акцией по утилизации населения. Полиция установила, что информация размещена на публичной сетевой площадке в силу доступности контента для неограниченного круга лиц (3945 подписчиков), а также иных лиц, не являющихся подписчиками. Несмотря на то, что действия гражданина попадают под критерии публичности, характерной для ст. 207.1, суд квалифицировал деяние по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ.

Исходя из данных примеров, следует, что широкое толкование публичности, абстрактность ее понимания требует уточнений и четкой дифференциации между распространением информации в группе и для неопределенного круга лиц. На этот счет И.В. Воронцова и В.Д. Росляков полагают, что такое разграничение позволяло оценить степень общественной опасности деяния, в виду того, что рассылка под видом достоверной заведомо ложной информации в группе несет в себе меньшую степень общественной опасности, чем совершение тех же действий в отношении неопределенного круга лиц [1, с. 849]. Так, при распространении ложной информации, адресованной конкретной группе лиц, возникает возможность предопределения и предотвра-

щения наступления общественно опасных последствий, тем самым исключается общественная опасность, присущая только преступлению, поэтому в данном случае можно говорить лишь об общественном вреде, характерному административному правонарушению. В случае размещения ложной информации для неограниченного круга лиц, вероятность предотвращения общественно опасных последствий значительно сужается в виду неопределенного количества лиц, которым обращена информация. С учетом этого, законодателю следует разделить уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, предусматривающих угрозу для жизни и безопасности граждан для неопределенного круга лиц, и административную ответственность за схожие действия, но в отношении определенной группы лиц.

И всё же уместно задаться вопросом: неужели только «степенью публичности» и субъектным составом определяется преступность или неправомерность рассматриваемых действий и их ограничение от смежных административных правонарушений? Здесь необходимо обратиться к иногда забываемому материальному признаку преступления — его общественной опасности. Не случайно высший судебный орган страны в последние годы не единожды напоминал об этом правоприменителю. В частности, такое настоятельное напоминание мы встречаем в положениях постановления от 25.12.2018 г. N46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». А в п. 2 постановления Пленума от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» высший судебный орган страны рекомендовал связывать основания уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ с наличием *реальной* (курсив наш — В.С., Л.Д.) общественной опасности преступления [9, с. 222,223].

А потому стоит задаться вопросом: учёл ли законодатель в полной мере этот конститутивный признак, криминализируя деяния в статьях 207.1 и 207.2 УК РФ?

Предпринятый анализ позволил авторам прийти к следующим выводам.

1. Диспозиции составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, вступают в межотраслевую конкуренцию с частями 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Причинами такой конкуренции послужили изъяны юридической техники, а также несоблюдение законодателем принципов и критериев криминализации деяний. Это вызвало у судов проблемы по разграничению конкурирующих норм. Правовые позиции ВС РФ по данной теме неполно разъяснили вопросы правоприменения анализируемых норм, что способствовало расхождению позиций ВС РФ и правоприменительной практики судов общей юрисдикции.

Для разрешения сложившейся ситуации, законодателю следует сделать акцент на признаке публичности преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, зафиксировав четкие критерии, способствовав ее единообразному толкованию. В этом числе следует учитывать и общественную опасность указанных деяний во избежание нарушения конституционных прав граждан и незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности.

2. Конституционные, межотраслевые и отраслевые принципы права, в том числе соображения межотраслевой системности российского права оставляют актуальным вопрос о сомнительности конструирования близких норм в административном и уголовном праве РФ, регулирующих однородные правоотношения, когда их конструктивная схожесть затрудняет правоприменительный процесс и является следствием нарушения принципов криминализации деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова И.Е., Росляков В.Д. Новшества уголовного законодательства Российской Федерации в период пандемии: вопрос разграничения и толкования уголовно-правовых норм // Вопросы российской юстиции № 9 2020 г.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novshestva-ugolovnogozakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-pandemii-voprosy-razgranicheniya-i-tolkovaniya-ugolovno> (дата обращения 15.10.2021)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ, (ред. от 01.07.2021 г. с изм. от 09.11.2021 г.) // «Российская газета» № 256, 31.12.2001 г.: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=387517&dst=1659#kJ13koSaQwgbGf9o1> (дата обращения: 15.10.2021)
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ» № 5, май, 2020: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 15.10.2021).

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ» № 6, июнь, 2020: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351691/ (дата обращения 15.10.2021).
5. Постановление Буйнакского районного суда Республика Дагестан от 02.07.2020 г. № 1–110/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/X2WNaWceee5g> (дата обращения 27.10.2021).
6. Постановление Кемеровского областного суда от 10.08.2020 г. № 12–335/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/s8Q4NzCKmqxB> (дата обращения 27.10.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» // «Российская газета» № 142, 04.07.2011: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 15.10.2021).
8. Сафонов В.Н. Вопросы интерпретации уголовно-правовых мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против здоровья населения и общественной нравственности): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. А.А. Сапожкова. — Санкт-Петербург: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2021. С. 112–120.
9. Сафонов В.Н. К вопросу о реальной общественной опасности деяния // Научная сессия ГУАП: гуманитарные науки. Сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. Санкт-Петербург, 2020. С. 223–224.
10. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаками публичности // Теория и практика общественного развития 2020 г.
11. Черняковский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации // Автореферат дис. ... канд. юрид. наук, М. 2017: URL: [https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-publicnykh-prizyvov-k-narusheniyu-territorialnoi-tselost/read](https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-publicnykh-prizyvov-k-narusheniyu-territorialnoi-tselost/) (дата обращения: 15.10.2021).

© Сафонов Владимир Николаевич (svn205@gmail.com), Дондукова Лидия Александровна (lidspb18@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Санкт-Петербург